

Екатерина Демина

«Дети и деньги. Как воспитать разумное отношение ребенка к финансам»

От автора

Отец – сущ., м. р.:

- 1) родитель мужского пола;
- 2) шофер;
- 3) телохранитель, охранник;
- 4) банкомат

> Футболка с такой надписью передается в нашей семье уже третье поколение. На мой взгляд, надпись охватывает все стороны жизни современных родителей: воспитать, накормить, отвезти-привезти, защитить и, наконец, вот это – дать денег. Если с накормить-воспитать все более-менее понятно, то с деньгами наблюдается полный хаос. Если давать – то когда, сколько и за что? Будет ли это считаться поощрением или дети имеют права на семейные накопления? И вообще, кто кому должен?

> Мы ежедневно решаем эти вопросы, исходя из своих семейных традиций, учитывая новейшие психологические и педагогические веяния, прислушиваясь к разговорам соседей и коллег. Иногда нам кажется, что тут и говорить не о чем: если денег хватает, то проблем нет, а если не хватает, то и делить нечего. Но это не совсем так. Будущий успех или неуспех наших детей формируется сейчас, пока они маленькие, пока они все воспринимают как норму.

> Малыши, от двух до девяти-десяти лет: что говорить им о деньгах, да и говорить ли вообще? Нужно ли им знать о финансовых затруднениях родителей? Исполнять капризы или воспитывать альтруизм? Что дарить на день рождения? Сколько можно тратить в месяц на детские занятия, если мама сама забыла, когда последний раз была в театре?

> Подростки – уязвимые, гордые борцы за «право наций на самоопределение», им так важно быть принятыми в тусовке, они хотят «правильно» одеваться, ездить в модное и на модном, быть как все и одновременно – индивидуальностью. На все это тоже нужны деньги. Я уж молчу про разнообразные кружки, репетиторов, курсы иностранного языка, музыку и теннис. Мы все хотим дать своим детям самое лучшее, вопрос только – какой ценой?

> По результатам мини-опроса, проведенного мной в сети, самый животрепещущий вопрос для родителей подростков – «платить или не платить за домашнюю работу?», причем слово «работа» используется здесь во всех смыслах: и как школьные уроки, и как обязанности по хозяйству. Карманные деньги и контроль над их расходом также очень волнуют современных родителей.> Сложные взаимоотношения со взрослыми детьми требуют осознания и проработки. Сын-студент, который относится к родительскому дому как к гостинице, дочка, поселившая в своей комнате бойфренда, – как с ними разговаривать? Брать ли плату «за постой»? Оплата коммунальных расходов, покупка продуктов, бензин и отпуск на море тоже требуют обсуждения.

> Эта книга – очень субъективная. Я (автор) не претендую ни на какую истину, не собираюсь вас учить, я постараюсь поделиться своим опытом, как профессиональным, так и личным, своими наблюдениями, впечатлениями. Надеюсь, что чтение наведет вас на новые идеи, может быть, вы оттолкнетесь от моих рассуждений и поймете нечто о своей жизни.

> Наше детство пришлось на самый «расцвет застоя», мы последнее поколение «советских людей». Перестройка, перелом и передел всего, потом второе рождение капитализма в России – страна менялась на

глазах. Мы выросли, становились на ноги и обзаводились семьями и детьми. Кризисы, дефолты, девальвации – мы узнали много новых слов. Из очень изолированного, закрытого, довольно странного пространства идей и лозунгов наше общество одним энергичным броском попыталось встроиться в мировую экономику. Не зная правил, не понимая, как это все устроено, постоянно нарываясь на неприятности, но все равно – к реальности и осознанности от безответственности крепостного права. Сейчас видно, что одним рывком сделать взрослой целую страну не получилось, но какой-то рост очевиден.

> Когда я еще только обдумывала и обсуждала эту книгу, меня часто спрашивали: «А как воспитать ребенка, чтобы он стал миллионером?» Сразу скажу: не надо их так воспитывать. Последние исследования социологов убедительно доказывают: сверхбогатые люди (в нашей стране) – это, как правило, бывшие несчастные дети, обделенные любовью, зачастую жертвы семейного насилия, которые положили жизнь на то, чтобы стать независимыми, недостижимыми для горя. Это люди, которые нуждаются в постоянном подтверждении собственной значимости. Деньги становятся для них сверхценностью, смыслом жизни: «И тогда я поклялся себе, что больше никогда не буду голодать». Мы не будем здесь обсуждать судьбы известных людей и выяснять обстоятельства, толкнувшие их на поиски «философского камня». Пусть их. Тем более что самые счастливые, как оказалось, – это как раз самые обыкновенные, не достигшие невероятных высот, но живущие в мире с собой и окружающими люди.

И еще один аспект темы: как воспитывать, кого бы то ни было. На мой взгляд, ребенок может быть **субъектом** воспитательных усилий, но никак не **объектом**. То есть не вы воспитываете нечто, с дальним прицелом на будущее, а живете «здесь-и-сейчас» вместе со своим чадом, решаете повседневные задачи, обсуждаете покупки, книги и фильмы, сидите за ужином и не позволяете ковыряться в носу – потому что любите его и заботитесь о нем. Мы поговорим о том, как вырастить наших детей счастливыми, обеспеченными, хорошо себя чувствующими в современном мире людьми. В котором деньги занимают одно из важных мест.

> Мне интересна роль денег в семье. Что деньги делают с человеком? Почему в одной семье у кого деньги – у того и власть, а в другой кормилец (кормилица) – самое бесправное и загнанное существо? Как деньги определяют отношения между членами семьи и с внешним окружением? Почему многие мои сверстники, обзаведясь семьей в начале 1990-х и пройдя вместе через все трудности и испытания перестройки, разводятся в тот момент, когда жизнь налаживается? Что за дети выросли у них и чем они отличаются от детей 2000-х? Какие духовные ценности передают детям мамы, ставшие домохозяйками, и мамы, занимающиеся бизнесом?

> Давайте посмотрим, как менялось отношение к деньгам и богатству на протяжении жизни нескольких поколений, тех людей, кто оказывает влияние на воспитание современных детей.

Часть 1

Наши предки, малыши и младшие школьники

Глава первая, о непростой истории трех поколений наших предков, а также о наших собственных иллюзиях по поводу финансов

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!

Авиамарш. 1923

Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью.

Позднейшая переделка, примерно 1980-е гг.

Наши бабушки-дедушки

> Они родились в тридцатые-сороковые годы прошлого века, и все страшные и трагические, так же как и победные и грандиозные, события советского периода нашей истории происходили именно с ними. Это их раскулачивали, уплотняли, сажали, репрессировали. Они строили и возводили, открывали и осваивали. Это они пережили индустриализацию, коллективизацию, Большой террор, Великую войну, оккупацию. Денег в их мире практически не существовало, зато идеологии было в избытке. Практически ничего нельзя было купить, можно было только получить – и потерять, независимо от любых твоих действий. То же самое относилось и к людям.

> Самая яркая отличительная черта того поколения, на мой взгляд, – стойкое убеждение, что быть эгоистом плохо. Хотя бы минимально преследовать собственные интересы – преступно. Они вкалывали день и ночь и никогда не спрашивали: «А что мне за это будет?» Не посадят, не расстреляют, не сошлют – и на том спасибо.

Удивительно, но, когда в 2008 году вышла моя статья под названием «Синдром Золушки», в которой я рассуждала на тему морального выгорания и чрезмерной отдачи себя работе, многие мои сверстники

довольно резко меня отчитали: мол, что это за отношение к труду и к коллективу? Работать надо, а не выяснять свои должностные обязанности!

> С точки зрения психолога, это поколение травматиков. Они обладают исключительными навыками выживания в экстремальных условиях, демонстрируют чудеса экономии, замечательно умеют работать, но совершенно не умеют отдыхать, заботиться о себе и – обращаться с деньгами. И детям они передавали соответственные навыки: как готовить оладьи из картофельных очистков (фирменное блюдо моей бабушки), как перешивать одно пальто тридцать лет подряд, а под конец сшить из него одеяло на дачу, как выращивать овощи на почвах, в принципе для этого не пригодных. И самое главное: никогда ничего не выбрасывать. Ни единой нитки, ни одного ржавого гвоздика, потому что никто не знает, что будет завтра.

С другой стороны, опыт того поколения – это и самозабвенное служение Делу, верность друзьям, умение радоваться каждому дню, привычка к самообразованию, сознательное приобщение к культуре. Еще одна особенность – привычка во всем полагаться на государство, потому что, с одной стороны, от тебя ничего не зависит, а с другой... от тебя опять ничего не зависит. Сейчас многие из них живут на мизерную пенсию, но в больших дороговущих квартирах, да еще и «второй дом» – дача – имеется. Они могут бесконечно жаловаться на правительство, время, современную молодежь, даже не пытаясь что-то изменить в **своей** жизни. Как будто они не взрослые, умудренные опытом люди, а все те же дети.

Наши родители

> Их принято называть «шестидесятниками», их герой – недотепа Шурик или молодой красавец Михалков-Коля, весело и победительно шагавший по Москве. «Фантастика-романтика», диссидентство, КСП, потом застой, БАМ, дефицит всего, стабильность и предсказуемость, обернувшаяся колоссальными потрясениями. В их мире деньги были у барыг и фарцовщиков, приличные люди работали или «за интерес» – это если ученый и разрабатываешь свою тему, или потому, что не работать было нельзя. А на зарплате это никак не сказывалось: «мы делаем вид, что работаем, вы делаете вид, что платите». Будь ты семи пядей во лбу или точи день-деньской карандаши и вяжи на рабочем месте – на зарплате это никак не скажется. Сто двадцать рублей получал **любой** специалист с высшим образованием. Хотя, согласитесь, ведущий инженер на производстве и просиживающий штаны в конторе **тоже** инженер – это разные вещи.

> Вся их энергия, способности, таланты реализовывались совсем в других сферах: радиоинженеры сочиняли музыку (физики, химики, биологи – весь цвет нашей бардовской культуры), экономисты ходили в походы по горным рекам, врачи тренировали сборные КВН и писали сатирические монологи. Такое впечатление, что вся интеллигентная публика занималась не своим делом. Не случайно, я думаю, одним из главных романов того времени стало «Путешествие дилетантов» Булата Окуджавы. Они все были чудесными дилетантами в жизни.

Перестройка пришлось на их зрелый возраст – и они в массе своей оказались совершенно не готовыми к новым экономическим отношениям, особенно мужчины с высшим образованием. Наши мамы как-то подхватились, стали искать пути и решения, открывать собственные крошечные бизнесы по пошиву штор, выпеканию «фирменных» пирожных, «челночить», в конце концов. А папы могли уйти в депрессию, гордо сказать: «Я выше всего этого» – и залечь на диван лет на пять, или до последнего не уходить с тонущего корабля НИИ-чего-то-там, хотя зарплату перестали платить полгода назад.

> А были и другие, те, кто в советское время балансировал на грани фола, подфарцовывая, организуя тайные цеха или, более законный вариант, устраиваясь на несколько работ сразу. Для них перестройка стала практически открывшимися воротами в рай. Миллионы наживались и терялись в течение месяца. Покупались и продавались квартиры, машины были исключительно бронированные джипы. Впервые стало можно выехать за границу, от возможностей кружилась голова.

У меня есть знакомый инженер, у которого в какой-то момент было восемнадцать предприятий в собственности. Самых разных направлений: от магазинов по продаже всего до небольшого пивного заводика, включая, кажется, станцию космической связи (зря, что ли, высшее радиофизическое образование получал?). Он потерял все после кризиса 98-го года и вернулся на родное предприятие. Зато инфаркт сорокалетних его миновал.

> Их детям сейчас от тридцати пяти до сорока пяти лет. Это мы и есть – те, к кому я обращаюсь в книге. Молодые и не очень родители современных детей, с очень разным жизненным опытом, с различными представлениями о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Общее у нас то, что мы живем в это время, в этой стране и растим детей. И заботимся об их будущем.

> У нас тоже есть свой опыт, мы мирно прорастали мохом при советской власти (условно «безденежное время»), переплыли через голод и холод перестроечного хаоса, влетели в бандитские девяностые, закачались в спокойных волнах «стабильных нулевых». Сейчас мы оказались в довольно странном состоянии «почти-холодной-войны» со всеми, но, как и предыдущие исторические периоды, и это пройдет.

Резюме

В нашей стране отношение к деньгам, богатству, собственности всегда было неоднозначным. Общественное мнение по этому вопросу весьма противоречиво: «От трудов праведных не построишь палат каменных» – «Без труда не вытянешь и рыбку из пруда». Выбирайте, что вам больше по вкусу. То же и с национальным символом: Емеля, шантажист и бездельник, – или Василиса Прекрасная, работающая, мудрая и отважная. С мужскими персонажами, добывающимися всего собственными усилиями, вообще полный провал.

Глава вторая, в которой мы с удивлением обнаруживаем связь между приучением к опрятности и получением денег и с умилением смотрим на малышей двух-пяти лет

Несвоевременная высадка на горшок не может служить оправданием неудавшейся жизни. И. Бродский > Как ни удивительно, но тему взаимоотношений малышей двух-пяти лет и денег придется начать с приучения к горшку. В психоаналитической традиции этот возрастной период называется «анальным» и имеет метафорическую связь с такими идеями, как: накопление, имущество, жадность-щедрость, творчество, способность отдавать. Говорят об «анальном типе личности», когда хотят описать человека мелочного, скупого, болезненно аккуратного. Или наоборот: неряшливый, обжора, мот, транжира – это тот же тип, но с другим знаком.

> Для двухлетнего малыша акт дефекации – первое, что он может контролировать. И очень быстро обнаруживается, что такая в общем-то примитивная вещь имеет колоссальное значение для взрослых. В зависимости от семейных установок мама/бабушка/все могут:

a. бурно радоваться, когда малыш «сходил на горшок»;

b. так же бурно негодовать, если он сделал все то же самое, но **не** на горшок;

c. сообщать всем встречным-поперечным, что «деть» овладел этим сложным искусством: «Сам все делает в горшок»; d. очень-очень тревожиться, если ожидаемое событие не случается уже несколько дней.

Я помню, как мой телефонный разговор с коллегой был прерван ликующим воплем трехлетней Насти: «Скажи, что я сегодня покакала!!!»

> (Кстати, обратите внимание, как много эвфемизмов существует для определения этой базовой физиологической функции.)

> Мой собственный опыт говорит, что меньше всего проблем с горшком бывает у молодых родителей, которые просто не знакомы с социальными нормами и ожиданиями на этот счет. Они делают так, как подсказывает им интуиция и элементарное чувство комфорта.

Моя старшая дочь родилась в июле, когда и у нас дома, и в роддоме горячая вода была отключена. Это обстоятельство, а также тот факт, что нам выдавали по пять (!) пеленок на день, вынудило меня «высаживать» новорожденного младенца над раковиной, когда мне казалось, что она беспокоится. Из роддома мы пришли с полностью сформированным навыком (моим). Одноразовых подгузников тогда не существовало. Когда родились младшие, я приучала их к горшку с рождения уже автоматически, как к должному. При этом необходимо помнить, что в норме ребенок в состоянии отслеживать позывы к мочеиспусканию где-то в промежутке от девяти до двенадцати месяцев, а сознательно «ходить по-большому» – ближе к двум с половиной годам. Так что можно никуда не торопиться, а сразу начинать в два с половиной года. Гарантирую: научится за два дня.

> Другое дело, когда в одном жизненном пространстве существуют представители двух, а то еще и трех поколений. Самые старшие уже догадались, что детей надо баловать, средние (то бишь молодые бабушки-дедушки) считают, что детей надо воспитывать, а то будет упущено самое ценное время, а мамы обычно замотаны и раздражены.

> Вот тут-то и начинается игра под названием «Король на троне». Маленький хитрец очень быстро понимает, что в его власти – ошастливить или нет всю эту толпу обожающих его подданных. Например, опытным путем установлено, что перед прогулкой полагается покакать, иначе беда может наступить в парке. И если гулять не очень хочется, вполне можно провести несколько чрезвычайно занимательных часов, сидя на горшке и наблюдая ритуальные танцы с «молением о дожде».

В особо тяжелых случаях, когда ребенка наказывают за непослушание или за то, что он не в состоянии себя контролировать должным образом, у него может развиваться чувство собственной неполноценности, недоверия к себе и своим творческим способностям. Сильный характер превратит его в упрямого, а слабый – в послушного маленького «неумеху». Того самого, который ничего не хочет и ничего не может.

> Мне кажется, что самый здоровый способ научения чему бы то ни было – это не замечать промахов и поддерживать успехи (без фанатизма, конечно; не к чему устраивать «национальные гуляния» при каждой удаче с горшком). Получилось сложить все свои большие достижения и свершения куда полагается –

молодец, умничка, давай я тебя поцелую. Не получилось – тоже не беда, уберем, помоем, застираем. И не станем больше об этом говорить. Совсем на бытовом уровне, несколько правил:

a. Не смешивайте несколько занятий. Я имею в виду, никакого чтения, просмотра телевизора и еды на горшке. Не сделал ничего за пять-десять минут – свободен до следующего раза.

b. Нельзя силой удерживать ребенка на горшке, заставлять сидеть подолгу, ругать и так далее. Почему – сказано выше, да еще и запор потом лечить замучаетесь.

c. Не оставляйте ребенка на горшке без присмотра: малыши приходят (иногда) в такой восторг при виде творения из собственного тела, что могут брать кал в руки, размазывать его по всему, что попадется, даже есть.

> Контроль над чем-нибудь – это еще и власть. Ребенок чувствует свою власть над своим телом (это хорошо) и над матерью (не очень хорошо) или ее власть над собой (это в общем-то полезно, вопрос только в количестве). Мне кажется, было бы очень здорово передать заботу о собственных физиологических отправлениях самому малышу. Ведь в самом деле, в природе нет правил о том, когда, сколько и куда именно должен очищаться кишечник, соответственно, нет и идеологической нагрузки. В примитивных сообществах эта тема не обсуждается вообще, никакой проблемы нет.

При правильном прохождении этой стадии развития должно получиться вот что. Ребенок испытывает чувство удовлетворения и гордости за то, что он **производит из себя**. Он знает, что его **творчество** радует окружающих, и стремится доставить им эту радость. Он чувствует, что он молодец, взрослый, компетентный, самостоятельный человек. Сами понимаете, что такому гораздо легче быть успешным в жизни.

У меня на приеме молодая женщина, повод для обращения: похоже, надо разводиться с мужем. Женаты восемь лет, есть семилетняя дочка. Когда начинает рассказывать о муже, слышны ее недоумение и растерянность. «Он врач по образованию, занимается медицинским оборудованием. Мы поженились, когда мне было восемнадцать, а ему двадцать восемь. Я была на третьем месяце. Таня родилась не очень здоровой, до четырех лет – три операции. Так вот, муж меня контролирует каждую секунду. Ему все надо знать: куда пошла, с кем разговариваю по телефону, почему смеюсь. Он богатый человек, но у меня денег нет. Совсем. Он дает мне на продукты, очень мало, потом проверяет чеки, ругает, если взяла не самое дешевое. Я точно знаю, что он почти миллионер (настоящий, долларовый), но мы ходим в каком-то старье, честно, Танька носит мои детские колготки. Квартира записана на него, дача, машина – все. Я чувствую себя в клетке». В процессе беседы мы выясняем, что сама Маша – высокообразованный специалист. Но муж убедил ее, что, кроме как «горшки мыть», она ни на что не способна. Мы немного поработали с Машиной самооценкой, она вышла на работу и через полгода оказалась на руководящей должности одной из крупнейших в стране компаний. Отношения с мужем... ну, не то что наладились, просто он перестал ее волновать. У нее свои деньги, у него – свои. В отпуск ездят всей семьей, а больше их ничего не связывает. (Позднейшее добавление. Маша родила второго ребенка, в какой-то момент муж от контроля и давления перешел к физическому насилию. Маша забрала детей и ушла, сейчас идет суд: муж пытается «отобрать у нее все, до нитки» в наказание.)

> Это и есть классический «анальный тип»: мнительный, тревожный, со склонностью к гиперконтролю. Очень показательное его обращение с деньгами: он их копит, прячет, не дает тратить (хотя семья почти голодает). При этом помешан на чистоте, особенно в санузле. Способен довести близких до сумасшествия своими придирками и ревностью. Жить с ним можно, только если вы никак от него не зависите. А вообще-то он милый и приятный человек, заботливый, хороший отец (в смысле и покормит, и оденет по погоде, и на родительское собрание ходит).

> На другом полюсе – транжира, спускающий всю зарплату за три дня. В квартире у него обычно полнейший бардак, он не держит никаких обещаний, взывать к совести бесполезно, она у него «не инсталлирована». Девушки выходят замуж за таких мужчин, потому что на стадии ухаживания они обычно очень щедры. Только вот для семейной жизни малопригодны.

Резюме

Приучение к горшку – важная веха в формировании характера малыша и его будущих взаимоотношений с миром. Все, что ребенок производит «из себя», является прообразом его дальнейшего творчества. Скрыга и транжира – две стороны одной медали, так что важно не переусердствовать, но и пускать процесс на самотек тоже не стоит.

Глава третья, о том, когда и как начинать разговаривать с детьми о бюджете

– Мамочка, купи мне, пожалуйста, эту куколку!

– Детка, у нас сейчас нет денег!

– Тогда пусть папа сходит в банк и купит немного!

Разговор, подслушанный в магазине

> Для малышей до пяти-шести лет деньги – абстракция, ничего не значащие слова. Они не имеют ценности, их с большой охотой обменивают на что-нибудь очень нужное и полезное: фантик, бусинку, пустой флакончик из-под духов. Детки знают, что деньги нужны, чтобы покупать вещи и продукты, чтобы платить в кино и кафе, но не могут совместить их номинальную стоимость с покупательной способностью. Зато дети легко воспринимают **отношение** взрослых к деньгам. Они в точности воспроизводят интонацию бабушки, когда причитают: «Ой, все так дорого, прямо кошмар!», и корчат умильную рожицу. Или серьезно морщат бровки и изрекают важно: «Папа – очень дорогой специалист».

> Разговаривать с малышами о деньгах имеет смысл, когда появляется повод. Например, самый классический вариант:

– Мамочка, не ходи на работу, я не хочу, чтобы ты уходила!

– Маленький, но, если я не буду ходить на работу, у нас не будет денег, чтобы купить тебе... (далее следует список того, чего чадо просило в последнее время – платье, лего-робота, велосипед и так далее).

– А почему на работе дают деньги?

– Не «на работе», а «за работу». Вот ты, например, можешь полить цветы на даче, и бабушка даст тебе за это ягодки. И это значит, что ты эти ягодки заработал. А мне за мою работу дают денежки, чтобы мы потом могли купить за них еду, красивую одежду, игрушки, сходить в кукольный театр, понял?

– Понял. Все равно не хочу, чтобы ты уходила.

> Между прочим, вы сейчас закладываете связь между получением денег и работой. Конечно, есть и другие способы обогащения, и, если в вашей семье они присутствуют, детеныш впитает и эту информацию. Мы передаем детям свои знания о мироустройстве, совершенно того не замечая, зачастую даже не задумываясь. Если мы уверены, что деньги платят только за работу – это обязательно прозвучит. И, наоборот, если все время повторять, что богатыми бывают только жулики, можно не заметить собственного благополучия: ведь мы-то честные.

Пожилая женщина, врач в поликлинике, зарплата вместе с пенсией – около 200 долларов. У нее взрослый сын и трое внуков. Постоянно звучащий мотив в ее речах: «Все вокруг жулики, куда катится этот мир, честному человеку не прожить». Одно маленькое но: женщина живет одна в шикарной трехкомнатной квартире в суперпрестижном районе, у нее дачный участок в очень дорогом месте и сын ее полностью содержит. Она ходит в спа-салон раз в неделю, в театр – как минимум дважды в месяц, ездит на экскурсии и отдыхает за границей. Но себя она продолжает считать «нищим советским врачом». И не платит за проезд в электричке («Меня и так государство обокрало, что я ему еще и платить должна?!»), а также может в жару пойти пешком на рынок – потому что там яблоки на десять рублей дешевле.

> Какое послание получил в детстве сын этой женщины? Во-первых, конечно же: «богатыми бывают только жулики». Во-вторых: «ты можешь работать, все равно это ничего не изменит». Что он сделал с этими посланиями? Работал на износ с шестнадцати лет, а к тридцати пяти годам имел уже полный букет заболеваний «трудоголика», был направлен врачом на курс психотерапии. Стал в два раза меньше работать и в три раза больше получать. Мама все равно недовольна: сын не подтвердил мамину теорию, стал преуспевающим человеком честным образом.

Резюме

О деньгах, финансах, расходах и доходах уместно говорить тогда, когда возникает интерес ребенка к вопросу. То есть надо удовлетворять детское любопытство на доступном ему уровне. Следите за тем, какие «послания» вы транслируете ребенку, чтобы не программировать его на неудачу или на трудоголизм.

Практикум

1. С малышами до семи лет есть смысл тренировать устный счет: посчитай, сколько пакетов молока (рулонов туалетной бумаги, батончиков хлеба) нужно нашей семье на неделю.

Молоко	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ	ВС

Итого: _____

Заодно можно формировать представление о длине недели, повторяющихся операциях, распределении ресурсов: «Посчитай, сколько видов обуви необходимо каждому человеку».

2. Ученики младших классов могут уже решать простейшие задачи и даже вести учет, например: «Посчитай, сколько такого-то вида продуктов мы расходует за неделю/месяц».

Сахар	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ	ВС
	☐ ☐☐						

Итого: $3 \times 7 = 21$

Привлекайте детей к раскладке/распределению средств: кучки, конверты, разные графы в таблице для понимания структуры ваших расходов.

3. Если ребенок одарен математически, давайте ему сложные задания: «Сколько денег мы сэкономим, если поставим энергосберегающие лампочки?»

4. Еще можно попробовать доказать или опровергнуть древнюю максиму: «Мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи». Сравните стоимость, допустим, дорогого предмета одежды или обуви и дешевого аналога. А потом выясните, как долго он будет носиться.

Кроссовки	Дешевые	Дорогие
	_____	_____
	руб.	руб.
	_____	_____
	месяцев	месяцев

Вывод: _____

Глава четвертая, в которой мы поговорим о том, что такое потребности и как их можно реализовывать

Ребенку покупались все игрушки, которые хотел его отец.

Из сборника «Папочка классный!»

> Большинство современных родителей провели свое детство в условиях тотального дефицита, поэтому обычным подарком на день рождения был комплект трусов-носок-рубашек, иногда – книжка, краски, игрушка (одна штука). Подарки помнились потом долго, вещи берегли, книжки и игрушки чинили до последнего. Мы иногда встречали других детей, у которых было, например, несколько пар сапог, но этих счастливиц было ничтожно мало.

> Зато у нас были мечты. Не только о покорении космоса, но и совершенно прозаические: новые туфли, колготки **твоего** размера, свитер не со старшего брата, а ненадеванный. Когда тебе дарят одно «самосшитое» платье один раз в год, ты начинаешь ждать следующее за три месяца до дня рождения. Привезенная троюродным дядей из Гаваны жевательная резинка вполне тянула на событие десятилетия. На новый пенал можно было накопить денег по копейке за пару месяцев. А если **как следует** подмести пол, ты

становился полноправным обладателем мороженого «за семь». К чему я это веду? Мы умели хотеть, терпеть и ждать.

> И вот мы выросли, и у нас родились дети. А народившийся заново капитализм избавил от товарного дефицита, были бы деньги – все можно купить. И мы начали покупать своим детям все то, о чем мечтали сами: одежду (на пятьсот долларов в месяц), еду в красивых коробочках (а детям бы лучше простого творога и супчика овощного «имени бабушки»), самые немыслимые игрушки. Самое главное, что все это приобретается немедленно, нет никакой паузы между появлением желания, его постепенным оформлением во что-то конкретное, созреванием в мечту и воплощением. И дети – не все, конечно, но многие – разучились **хотеть**.

Разговор двух мам перед третьим днем рождения чад.

– Что твоему подарить?

– Да прям не знаю, у него все есть... Весь дом завален игрушками, ступить некуда. А он ни во что не играет, представляешь? Слоняется из угла в угол или мультики смотрит часами. Я в его возрасте с одной куклой могла весь день играть.

> В этом вся фишка: кукла была одна. Прописью: **один штука**. Поэтому ее хозяйке приходилось сильно напрягать фантазию, выдумывать разные роли, говорить тремя голосами, короче, творить. То же самое происходило в случае с одним-единственным платьем, которое надо было украшать по-разному, чтобы выглядеть на «дискотеке». Та девочка, выросши, продолжает фантазировать и выдумывать – поэтому и работает креативным директором в издательстве. Упрощаю? Возможно, но не сильно. Скорее всего, задатки у девочки были от рождения, но их можно было развить в постоянной тренировке, а можно было бы погасить, если бы все ее прихоти исполнялись немедленно.

Формировать потребности тоже можно. Ведь то, что вы подарите, будет как-то использоваться. Если подарить малышу велосипед – вам придется таскать его на себе до парка и обратно, зато на прогулке сынок счастлив, развивает координацию, выносливость и кучу других важных функций организма. А если вы дарите новую «развивающую» компьютерную игрушку, все, что от вас потребуется – дать ему в руки планшет, и на полдня вы свободны. Но ребенок не развивает ничего, кроме разве что быстроты реакции при нажатии на кнопки. Очень мало есть действительно развивающих игрушек.

> Новое шикарное платье просто вопит о необходимости отправиться на бал. За хомячком кому-то придется убирать. Новейшая игровая приставка нуждается в постоянном пополнении запасов программ. Может, ну их, подарки эти? По старинке – «Книга – лучший подарок»? Опять закавыка: глаза испортит. Что делать-то? Новый год на носу, а потом день рождения... Пошли в «Детский мир», чего-нибудь точно найдем. Во, конструктор! Класс! И коробка пастели – я всю жизнь о такой мечтала, у Аньки Новиковой были, ей папа из-за границы привез. Стоп, я, кажется, опять покупаю подарки себе маленькой. Начинаем сказку сначала.

Молодые, сорокапятiletние, бабушка и дедушка, переживающие свой «второй медовый месяц», безудержно балуют внучку: первая, любименькая, такая сладкая, такая своя, почти дочка. И задаривают ее без меры, покупается все самое шикарное и модное, благо пошли деньги, дедушка неожиданно стал миллионером. И вот: сапожки из змеиной кожи, шубка белая из норки, золотая цепочка с рубиновой подвеской. А девочке-то всего пять, а ее мама зарабатывает около трехсот долларов в месяц, да мизерные алименты от ушедшего в другую семью отца. «Мамочка, а почему мы никогда не ходим в ресторан? Там такие прикольные десерты...» – спрашивает малышка и не понимает, почему у мамы надолго испортилось настроение. Через два года грянул кризис, дедушка потерял большую часть своих миллионов, бабушке пришлось вернуться на работу, да и внуков прибавилось. Девочке перестали дарить шубки, потом – вообще перестали что-либо дарить. Почему-то то время она вспоминает не с удовольствием и благодарностью, а с раздражением и обидой: дали лизнуть конфетку, а потом отняли. Теперь эта выросшая девочка считает каждый рубль и очень строго, чтобы не сказать жестко, относится к транжирам и ухажерам. Не доверяет. И пошла работать волонтером в детский дом.

> Я ни в коем случае не призываю держать детей «в черном теле» и отказывать им в разных приятных мелочах. В конце концов, мы живем в таком мире и в такой стране, что кризис/дефолт/обвал – скорее постоянно действующий фактор, чем шокирующая новость. Мне ближе сентенция Набокова о том, что детей надо баловать, ибо неизвестно, как потом сложится их жизнь.

> Знаете, на что именно обиделась та девочка? На то, что ничего не сказали, не объяснили, не предупредили. Просто молча – раз! – и перестали обедать в «Амбассадоре» и отдыхать в пятизвездочных отелях. О том, что дедушка в дефолт потерял несколько банков, не только девочка, но и ее мама узнали лишь спустя несколько лет. Я думаю, что, если бы в момент перемены судьбы старшие нашли силы и время объяснить тем, кто от них зависит, суть происходящих изменений, никакой обиды бы не было, все-таки детям важнее не состояние вашего банковского счета, а то, что вы рядом и доверяете друг другу.

Резюме

Понятие «потребности» является одним из базовых в психологии. Потребности бывают физиологические (еда, тепло, сексуальное удовлетворение), потребность в безопасности (жилище, отсутствие насилия вокруг), в любви и принятии, в уважении и самореализации (по А. Маслоу) [1]. Удовлетворение высших нужд невозможно, пока не удовлетворены низшие. То есть, пока вы голодны, вам все равно – уважает вас сосед или нет. Но если вы сыты, у вас есть где жить и вашей жизни ничего не угрожает – самое время заняться самореализацией.

Глава пятая, о цене подарка и о разных способах получать удовольствие от жизни

В Новый год сбываются все мечты! Лучший мой подарочек – это ты! «Песенка Волка» из мультфильма «Ну, погоди!»

> Для начала – зарисовка о «дорогих и дешевых подарках». Как вы думаете, какой подарок на день рождения получил «наивысший балл» у пятилетнего мальчика? Гоночная машина с радиоуправлением? Нет – она сломалась на второй день, как только ее вынесли на улицу и опробовали на асфальте. Нарядный костюм? Тем более нет – это все бабушку ублажать. Вне конкуренции оказались следующие вещи, подаренные другом дома, пожилым учителем: колокольчик на веревочке, тумблер и увеличительное стекло. Особенно тумблер. Этими тремя вещами мальчик играл самозабвенно, много лет подряд. Они живы до сих пор и достаются из коробки с игрушками с неизменным радостным возгласом. Мальчику уже пятнадцать.

Вот только не надо песен на мотив «у нас ничего не было – пусть у наших детей будет все!». И у нас были игрушки, всякие и разные, а что из них мы помним? Одну – самую-пресамую любимую куклу. Набор солдатиков. Деревянную тележку с колесиками. Как удалось выкрасть плед и сделать пещеру под столом. Дедушка взял меня в зоопарк, и слон окатил нас из хобота водой. Дедушка завернул меня в свой плащ, и мы на такси, бегом, вернулись домой. Это был мой единственный поход в зоопарк, мне было около четырех лет, я помню его в мельчайших подробностях.

> Делая подарки, приучая к хорошим ресторанам и дорогим маркам, знакомя ребенка с элитными видами спорта и развлечений (верховая езда, серфинг, гольф и т. д.), спросите себя: а я смогу поддерживать этот образ жизни достаточно долго? Если вдруг деньги кончатся – чем ребенок заменит любимые (и дорогостоящие) развлечения? Не лучше ли научить своих детей получать удовольствие от процесса: познания, отношений, овладения каким-то мастерством, рукоделия.

Одна моя подруга, очень мудрая и дальновидная мама, говорит о своей младшей дочке так: «Она почти никогда не хочет в подарок вещь. Очень редко – развлечение, типа цирк-кино. Если хочешь ее осчастливить – помоги ей освоить что-то новое: жонглировать, пускать трехслойные мыльные пузыри, рисовать график функции на компьютере». Этой девочке никогда не будет скучно, ведь этот способ «потребления» – неисчерпаем, в отличие от «получить удовольствие от обладания чем-то».

> Как это связано с финансами? Да очень просто. Когда в следующий раз ваше чадо заносит в магазине: «Ма-а-ам, купи!!! Папаааа, я хочу кататься на карусели!», то есть будет требовать, чтобы вы **заплатили** за его секундное счастье, попробуйте не торопясь разобраться: какая его потребность сейчас стала самой актуальной и требует внимания. Ему скучно? Может быть, надо придумать задание? Не развлечение-отвлечение, чтобы замолчал, а задание для пользы общества и дела: посчитать, сколько человек перед вами стоит в очереди в кассу; найти вокруг себя семь предметов на букву «Ч»; задержать дыхание как можно дольше – да мало ли способов занять мозги, вместо того чтобы выбросить в очередной раз небольшую сумму, которая, конечно, не пробьет брешь в бюджете, но и удовлетворения не даст.

> Или он чувствует себя покинутым, потому что вы уже целый час заняты не им, а покупками продуктов на неделю? Тогда достаточно обнять, присесть рядом с ним на корточки, пощекотать, покрутить, спросить: «А куда бы ты полетел на воздушном шаре?» – проявить интерес к его внутренней, личной, душевной жизни.

> Кроме того, дети очень чувствительны к физическим условиям. Жарко, душно, музыка дурацкая гремит, народу полно – нарастает тревога, которую надо как-то обуздать. А что делает мама, когда детка капризничает? Правильно, покупает какую-нибудь ерунду, чтобы заткнуть рот: чупа-чупс, печеньку, газировку. Потому что это быстро и дешево. И не требует никаких усилий от родителей. Но ребенок-то приучается гасить неприятные эмоции **покупкой** чего-то сладенького, вкусенького.

> Самую большую радость мы получаем, когда делаем что-то сами или узнаем что-то новое, по крайней мере поначалу, в детстве. А если отнять у ребенка эту возможность, заменив ее привычкой получать удовольствие извне, то неудивительно, что эти повзрослевшие дети не умеют радоваться, утешать себя иначе, чем едой или алкоголем, развлекаться только шопингом.

> В Европе, где процесс первоначального накопления капитала закончился лет двести назад, демонстрировать богатство давно уже неприлично. Более того, в обществе функционируют хорошо отлаженные механизмы сдерживания, для того чтобы пропасть между богатыми и бедными была не так

заметна (в том, что она существует, надеюсь, никто не сомневается?). Детей с самого раннего возраста приучают не обращать внимания на лейблы и марки машин, школьная форма обязательна еще и потому, чтобы нивелировать социальное неравенство. И главное – постоянно звучит мантра: «Ты можешь быть лучшим на своем месте». Не потому, что у тебя папа – миллионер, а потому, что ты умеешь делать бумажные модели замков. А тот, у кого мама-иммигрантка и убирается в чужих домах, отлично самоутверждается на уроках программирования или химии – получает свою заслуженную награду.

Одно из самых больших культурных потрясений я получила, когда приехала впервые в Англию. Приятель моей сестры, сын миллионера, лорда и владельца крупной компании, ходил в старых-престарых джинсах, ездил на «Ситроене» 1958 года выпуска и подрабатывал помощником в магазине – на карманные расходы. Можете представить себе такую ситуацию у нас? Потом я узнала, что это норма в кругу образованных богатых людей.

Резюме

Дети воспитываются вашим примером, поэтому подумайте дважды, выбирая подарок ребенку и покупая пять минут тишины по цене чула-чупса. Нефизиологические потребности тоже заслуживают внимания. Уважение вызывают уникальные навыки и качества, а не модные шмотки, купленные родителями.

Глава шестая, в которой мы решаем, кому и зачем нужно развиваться

Что болтунья Лида, мол, это Вовка выдумал! Агния Барто. Стихи о любви

> Немаловажная и иногда очень затратная статья бюджета – детские дополнительные занятия. Некоторые родители просто из сил выбиваются, чтобы обеспечить своему чаду вот эти самые пресловутые «драмкружок, кружок по фото, да еще мне петь охота». Обратите внимание, в этом бессмертном стихотворении повествование идет от лица школьницы Лиды, причем не первоклашки, а лет девяти-десяти. И занятия у нее все бесплатные, а ходит она всюду сама (или не ходит, потому что не успевает). Наши же, постперестроечные, родители начинают таскать детей по всяческим развивалкам уже с пеленок, в буквальном смысле слова.

> Кто ж спорит: сидеть дома с годовалым младенцем, да еще зимой, да еще и без общения, – это практически каторга, только без права на помилование. И дай Бог здоровья и всякого благополучия тем, кто затевает разнообразные детские клубы, сады Монтессори и группы «Вместе с мамой». Мамы получают совершенно бесценную возможность пообщаться на интересующие их темы, дети узнают много новых игр, да и игрушек таких дома точно нет. Всем хорошо и весело. Но сейчас речь о другом.

> В группе детского сада, куда ходит моя младшая дочь, есть две девочки-близняшки, Аня и Аля. Их мама владеет небольшим бизнесом, чем очень гордится. Так вот, после детского сада за детьми приезжает няня на машине с шофером и везет их на занятия по подготовке к школе. Три раза в неделю. И еще два раза – на другие занятия. А в выходные – на лошадях, только не кататься, а «учиться выездке». И в бассейн – «учиться плавать». Детям – внимание! – три с половиной года.

> Я все время искренне сочувствовала этим бедным детям. Потому что садик у нас – просто супер: и бассейн есть, и лепка-рисование, и музыка, и балет под кодовым названием «кареграфия». И подготовка к школе в самом ее правильном варианте: чтение вслух сказок, рисование каракулей, игры с друзьями, конструкторы и кукольные домики. Каждый день у трех-четырёхлетних детей по три-четыре занятия по пятнадцать минут каждое. Дети их очень любят, бегут бегом, стоит утром сказать капризничавшей дочке: «На занятие опаздываем!» – собирается мгновенно. То есть никакой объективной надобности в дополнительной нагрузке нет.

олько мы после садика идем гулять в парк или остаемся на детской площадке, потому что детей увести невозможно. А за Аней и Алей приезжает няня и везет их на подготовку к школе. Да ладно бы еще близняшки были энергичные, гиперактивные и с четырехъядерным процессором. Но они обе немного вялые, тихие, склонные сидеть в углу и сосать палец. Это мама у них... того... гиперактивная. Про таких говорят: «Атомную энергию – в мирных целях!» (Вот, кстати, загадка природы: почему у активных, энергичных, пробивных матерей, как правило, вялые, пассивные и ничем не интересующиеся дети? Может, потому, что мама всегда лучше знает, чем в данный момент ребенок должен заниматься?)

Как-то мы с этой мамой ждали детей в холле после бассейна и разговорились. Я спрашиваю:

– Тяжело, наверное, каждый день детей-то возить то туда, то сюда?

– Тяжело, – вздыхает она, – а что же делать? Я удивленно поднимаю брови: мне казалось, что она сама себе это все затеяла.

– А денег, знаешь, сколько я на них трачу? Няня плюс водитель – восемьдесят тысяч в месяц, да занятия – еще двадцать. С ума можно сойти! – она говорит это со скрытым удовлетворением и даже некоторой гордостью: вот, мол, ничего не жалею для детей.

Я молча жду продолжения. Видимо, то, что я не поддерживаю активно такой метод воспитания, заставляет Марину приводить какие-то более веские аргументы.

– Но ведь приходится готовить их к жизни! – с напором продолжает она. – Жизнь-то, она такая, крутиться надо! Я вот думаю, надо начинать музыкой заниматься, чтобы в Гнесинку поступить.

Тут я не выдерживаю.

– Марина, – говорю я как можно более убедительно, – но ведь они такие маленькие, может, пусть лучше на горке покатаются? Успеют еще к жизни подготовиться?

– Ты что?! – гневно восклицает она. – А кто их содержать будет?

Тут я понимаю, что чего-то не понимаю. Совсем. Не улавливаю связи между подготовкой к школе с трехлетнего возраста и будущим содержанием. Но я не успеваю ничего сказать: Марина начинает вдруг всхлипывать, и потихоньку, через рыдания, картина проясняется.

Оказывается, Марина находится в процессе развода со своим мужем, который их всех содержал. А Маринин бизнес был, что называется, «на булавки», чтобы чем-нибудь заниматься. И теперь ей очень страшно, и больно, и она в отчаянии. И, похоже, эта ситуация у нее в жизни не впервые, потому что она как-то слишком яростно настаивает, что девочка должна сама себя содержать и ни от кого не зависеть.

(В этот момент в голове у меня начинает мигать лампочка, на которой написано: «Травма». Но пока развивать эту линию рано.)

> Понятно, что, когда мама убеждена, что обеспечивает своим детям независимое существование в будущем – до гуляний ли тут!

> А недавно я познакомилась с другой мамой, у которой трое детей, чудесный муж и все хорошо. Но средний мальчик страдает дислексией и дисграфией (то есть с трудом читает и пишет). И она тоже таскает его по всяким занятиям. Но! Это все ему в радость, мальчику восемь лет (а не три года), он делает небывалые успехи в гимнастике и акробатике, с удовольствием играет на аккордеоне, рисует и лепит. Ему это в кайф. Со своей стороны, могу сказать, что весь этот комплекс – самое лучшее средство от вышеупомянутых нарушений. Мама, правда, слегка замотана, потому что няни с шофером у нее нет, но она всем довольна и считает такое времяпрепровождение самым правильным.

Как везде и во всем, в этой теме важна **мера и степень**.

a. Для трех-шестилетнего ребенка, посещающего детский сад, оптимальным режимом будет ежедневная дополнительная прогулка, а в выходные – посещение театра, выставки или бассейна. Самым главным развивающим и стимулирующим фактором для малышей является **игра**. Просто игра – во что угодно. И с кем угодно.

b. Прицельно учить детей до шести (на самом деле – до семи) лет читать – абсолютно лишнее. Вы потратите кучу времени и сил на то, что в соответствующий момент они усвоят сами и практически без усилий. Помните, я выше писала про приучение к горшку? Тот же самый механизм: у детей младше шести лет просто отсутствует аппарат для распознавания символов. Не сформированы соответствующие области мозга. Именно поэтому многие дети в четыре года уже прилично пишут, но категорически отказываются читать.

И это говорю вам я, которая читать научилась в четыре с половиной года. А все почему? Потому что больше заняться было нечем. Телевизора не было, я той зимой болела, в сад не ходила. Зато были деревянные кубики с буквами и выученная наизусть книжка с картинками. Одна.

> Теперь о стоимости. Мне кажется довольно диким тот факт, что некоторые мамы отказывают себе в дополнительном визите к парикмахеру, потому что все деньги вложены в «образование детей». Уверяю вас, все эти чудесные занятия к образованию имеют весьма отдаленное отношение. Интересно – да, безусловно. Ребенок занят, не ноет, есть некая иллюзорная вероятность, что он потом будет так же прилежно заниматься дома – ну, с некоторой натяжкой, соглашусь. Но отказывать себе в удовольствиях, в новой кофточке, в посиделках с подругами в кафе, утешаясь тем, что ребенок зато «развивается»... Похоже, есть в этом всем нечто невротическое.

> Совсем другое дело, когда второкласска остается после уроков в школе, чтобы заниматься балльными танцами за символическую плату. Или за не очень символическую – если вы можете себя это позволить. Но иногда детям эти занятия в тягость, они ходят из-под палки, особенно почему-то это касается занятий музыкой. В этом случае стоит притормозить и спросить себя: «Зачем я это делаю? Почему для меня важно,

чтобы мой ребенок играл на скрипке? Может, я сам(а) с удовольствием занялась бы бальными танцами, да нет ни времени, ни сил, а так хоть ребенок реализует мои мечты?»

Это очень опасное построение, называется «нарциссическое расширение» – когда мы воспринимаем ребенка не как отдельного человека, а как продолжение себя. Папа не смог поступить в МГУ – так пусть сын исполнит папино предназначение. А то, что сын «кромешный» гуманитарий и на мехмате ему делать нечего – вопрос десятый, как-нибудь образуется.

> Если вы поймали себя на подобных мыслях, очень вам рекомендую найти поначалу такой формат занятий, где вы тоже могли бы заниматься вместе с ребенком. Заодно и узнаете, кто на самом деле любит лепить из глины.

Резюме

Развивающие занятия для малышей имеют меньшее значение для умственного развития, чем вы думаете. Проанализируйте свои мотивы, прежде чем записывать чадо в пять разных кружков. Не стоит отказывать себе в радостях жизни ради того, чтобы ребенок занимался тем, что потенциально «пригодится ему в жизни».

Глава седьмая, о стоимости домашнего задания

Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать! А. С. Пушкин. Разговор книгопродавца с поэтом
> Поступление в школу – совершенно особый этап в жизни каждой семьи. В садик многие дети и не ходят: кто-то с бабушкой сидит, кто-то с няней – в общем, можно до поры до времени избегать столь тесного контакта с обществом. В школу ходят все. В системной семейной терапии даже принято обозначать поступление старшего ребенка в первый класс как стадию «размыкания семейных границ и контакт с социумом». На вас сразу обрушивается множество проблем самого разного порядка: от покупки формы и учебных принадлежностей до организации сопровождения и питания в школе. И, конечно, финансовые вопросы.

Домашнее задание – оно чье?

> При подготовке этой книги я провела небольшое исследование в соцсети, на нескольких «родительских» и «семейных» сайтах, задавая один и тот же вопрос: о чем вы хотели бы прочесть в книге на тему «Дети и деньги»? На первом месте, по откликам в сети: платить или не платить детям за домашнюю работу, в самом широком смысле, как за школьные задания, так и за работу по хозяйству. По частоте возникновения на форумах и конференциях эта тема также лидирует. Хотя, казалось бы, в чем проблема? Хочешь платить – плати, не хочешь – ищи другие способы воздействия на непокорное чадо.

> Существует несколько вариантов решения этого вопроса.

а. Метод «пряника». Все очень просто: за пятерки-четверки платим заранее оговоренную сумму, за двойки – вычитаем. Тройки считаются нейтральной оценкой и не оплачиваются совсем. Некоторые продвинутые родители используют еще и «повышающий и понижающий коэффициент»: допустим, русский язык-литература-история дочке даются легко – за них платим только половину суммы. А труд-изо-физкультуру вообще за работу не считаем. За пятерку по контрольной по математике платим вдвое больше, за четвертные оценки – или дорогие подарки, или большой нагоняй с огромным штрафом (хорошо, если не с тюремным заключением).

Сын пришел из школы и рассказывает: «Мам, представляешь, Алиске мама предложила последнюю модель айфона купить, если четверть без троек закончит. А она так скривилась, и говорит: „Это что, мне целый месяц домашку делать что ли? Мне папа его и так на Новый год подарит“».

б. Метод «кнута». Понятно, зеркальный вариант: за пятерки-четверки не платим ничего («Учиться – это твоя святая обязанность, это то, что ты и так должен делать по закону»), за двойки-тройки лишаем карманных денег.

И тот и другой метод, как мне кажется, ничего, кроме вреда, не приносят. Будем исходить из допущения, что дети любознательны от природы и учиться им должно быть интересно по умолчанию. Но вот приходит такой любопытный Буратино в первый класс, а там...

> В основном – скука смертная. Сиди прямо, в окно не смотри, не разговаривай (это вообще за пределами моего понимания. Раздумывая, куда бы отдать учиться моего сына, я отчетливо понимала, что, если его попытаются заставить молчать сорок минут, его просто разорвет. И исходила из этих условий задачи), пиши палочки. Ни тебе рассказов об интересных вещах, ни сочинений на вольную тему. Самое классное, по идее, должно происходить на уроках труда и рисования – ан нет, опять все делаем по заданию, по шаблону, и можно получить «два» за рисунок. Опять же – этот факт, на мой взгляд, находится за гранью добра и зла.

> И вот он сидит, мечтает, ждет, пока кончится эта мука, пропускает мимо ушей все, что говорит монотонно учительница.

> А может, он ее смертельно боится, потому что она кричит, как пьяная, или бабахает об стол журналом или указкой? Или родители вчера вечером ругались на кухне – а вдруг они совсем поругаются? До учебы ли тут?

Я была круглой «колышницей» в первом и втором классах. Весь дневник был исписан замечаниями: «Читала на уроке!!!»; «Читала на уроке – поведение 2!!!»; «Родителям срочно прийти в школу!». А я смертельно боялась нашу башнеподобную классную, которая носила фиолетовое кримпленовое платье и огненно-красную «халу» на голове и орала так, что, казалось, глаза лопнут. В классе было сорок пять человек, половина из «неблагополучных семей». И я сбегала в единственное известное мне с четырех лет убежище: в книжку. Пряталась в парту «Школу» Гайдара, «Алису» Кира Булычева – и отключалась полностью, не слышала и не видела вокруг себя ничего. Когда отобрали «Школу», я поплакала и простилась с книжкой. Но «Алиса» была из папиной служебной библиотеки – пришлось открываться родителям. В середине второго класса я заболела и попала в больницу на всю третью четверть. И меня, наконец, забрали из ненавистой 61-й спецанглийской школы и перевели в обычную, во дворе. Где я немедленно стала круглой отличницей.

> Но процесс уже пошел. Часть материала он пропустил по болезни, потом учительница болела, потом каникулы – догонять становится все труднее. Но родителям нужен **результат**. Они не хотят краснеть за него на родительском собрании, не хотят в десятом часу вечера разбираться с уроками, им тяжело выносить собственный гнев и слезы ребенка. И вот тут появляется это волшебное средство: деньги.

> «Давай договоримся, – говорит папа. – Ты уже взрослый и знаешь, что за работу людям платят деньги. Учеба – это твоя работа, мы будем тебе за нее платить». Далее следуют какие-то переговоры о начальной ставке, о штрафных санкциях... Дело сделано!

И поначалу оно и правда работает. Ребенок начинает с энтузиазмом делать домашние задания, это не проходит незамеченным в классе, учительница хвалит. До первой двойки. Когда заработанные тяжелым трудом деньги – отбираются. Ребенок, конечно, в состоянии отследить связь между двумя этими событиями, но не может ничего исправить. Снова в системе появляется страх как универсальный рычаг управления. А где страх – там паралич воли, там блокируется любое творчество, учеба снова превращается в муку и «отбывание номера».

> Более щадящий вариант этого метода – когда деньги только даются, без штрафных санкций. В общем, наверное, ничего плохого в этом нет: ребенок приложил некие усилия и получил заслуженную награду. Некоторая опасность таится в том, что ребенок привыкает **получать деньги**, в общем-то, за то, что является его обязанностью. На самом деле, без всяких скидок: учиться – обязанность ребенка, а обязанность родителей – обеспечить учебный процесс. Так что я бы, скорее всего, потратила эти средства на репетитора, на консультации психолога, на перевод ребенка в другую школу, с тем, чтобы учеба, наконец, стала бы для него тем, чем и должна быть: способом познания мира, увлекательным путешествием, игрой. Выше я рассказывала про свои метания с поиском школы для сына: он очень живой, подвижный мальчик, информацию выхватывает «из воздуха», любит рисовать, конструировать, играть спектакли. Я хорошо понимала, что, если посадить его в класс, где надо сидеть «с ровненькой спинкой», отвечать только, когда учительница спросит, а самое главное – где его полгода будут учить читать и считать (а он с четырех лет это умеет), у нас будет куча проблем как со здоровьем, так и с администрацией. И я нашла ее – школу моей мечты: пятнадцать человек в классе, за быстро сделанное задание получаешь звезду на грудь и задание повышенной сложности, литературой занимаемся для того, чтобы статью написать в лицейский журнал, в пятницу показываем спектакль (каждую пятницу!), четыре раза в неделю физ-ра на улице, театр, гончарное искусство, оркестр – обязательные предметы. Мой «электровеник» приходил из школы в шесть вечера, валясь с ног, но глаза у него горели, он не болел ни разу за два года. Каникулы были бы наказанием, но и в каникулы они пропадали в школе: строили, лепили, ставили.

Да, вы правильно поняли: это был частный лицей. Не сильно дорогой, мне было по силам. Это именно то вложение денег, которое я считаю **инвестицией**: в здоровье, в положительное отношение к учебе, в закладывание социальных навыков.

Резюме

Не стоит платить ребенку за сделанные уроки или школьные оценки. Лучше наймите на эти деньги репетитора (можно терпеливую старшеклассницу из соседней квартиры) или сходите на прием к семейному психологу (например, ко мне). Если денег много, а проблемы серьезные – найдите хорошую частную школу. Но только не устраивайте рыночные отношения там, где полагается быть интересу и доверию.

Глава восьмая, посвященная правам человека вообще. И праву наций на самоопределение в частности

Каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение.

Всеобщая декларация прав человека, ст. 23, ч. 2

> Понятие «карманные деньги» существовало в нашей культуре отнюдь не всегда и тоже претерпело ряд превращений. Так сказать, колебалось вместе с курсом партии. В городской традиции тридцатых-пятидесятых годов двадцатого века деньги выдавались школьникам на завтраки и на удовлетворение транспортных и канцелярских надобностей. То есть очень немного, поскольку в жизни тогдашних детей материальный мир практически отсутствовал. Покупать было нечего и незачем, цветы понравившейся девочке вполне можно было нарвать на клумбе, в кафе-мороженое водить ее было никак невозможно, да и считалось неприличным лет до пятнадцати-шестнадцати. Еще можно было не покупать завтраки, ходить голодным и копить деньги на покупку какого-нибудь телескопа или «марки страны Гонделупы». Пишу про мальчиков, потому что девочки, как мне кажется, при любом режиме более законопослушны и аккуратны.

> Девочки покупали фотографии любимых артистов, какие-то особенные перышки-вставочки, ленточки, иногда – конфеты.

> Наличие денег у очкарика-отличника сразу делало его объектом охоты «бандитствующих элементов», поэтому иногда эти тихие послушные домашние мальчики добровольно отказывались от положенных им средств, лишь бы спокойно доходить от школы до дома.

> Но, так или иначе, в поколении наших предков карманные деньги были чем-то привычным и их количество зависело только от уровня доходов родителей. Лишение денег в качестве наказания почти не практиковалось, потому что это означало обречь ребенка на голод и проблемы с кондукторами.

> В моем детстве карманные деньги перестали быть нормой. За завтраки и проездные деньги сдавались в родительский комитет (платили родители сразу за месяц), учебники стали бесплатными, если я не ошибаюсь, в 1978 году (а до этого их покупали), «канцелярия» закупалась централизованно на класс или один раз перед первым сентября. Ну и на что тебе деньги, спрашивается? Сигареты покупать? Или, упаси Господь, водку?! Других соблазнов просто не существовало из-за тотального дефицита. И еще одно обстоятельство: дети очень редко заходили в магазины промтоваров одни, без родителей. Продуктовые – да, это совсем другая статья, я ходила за молоком-кефиром-хлебом лет с пяти, деньги на покупки выдавались строго под отчет, цены не менялись десятилетиями. Меня и сейчас ночью разбуди, я скажу, сколько стоил батон, а сколько половинка черного: «два батона по тринадцать и половинку за девять». Прежде чем купить молоко, надлежало сдать молочные бутылки.

А однажды я болела, и в магазин послали шестилетнего брата. И дали ему **последние** три рубля, оставшиеся до полочки. Список был такой: хлеб, сыр, подсолнечное масло. Братец принес: две бутылки «Холосаса» (такой сладкий шиповниковый сироп) и две бутылки «Буратино». На все деньги. То есть без сдачи. Больше его в магазин не посылали. Лет до пятнадцати.

> Ну вот, а в промтоварных нам делать было нечего. Выставленные и выложенные в пыльных витринах вещи **не возбуждали**, как говорят сегодняшние подростки. Смотреть было не на что – не на бюстгальтеры же из грубого полотна размером с парашют любоваться! Тюремного фасона боты, поносного цвета пальто, бесформенные пиджаки и платья... Обувь, которую надо было изнашивать целый месяц, прежде чем начать ходить в ней. Эх, как вспомнишь... «Мамочка, а почему на выпускных фотографиях вы так чудно одеты?» Потому, деточка, потому. Спасибо партии родной. За все.

> Конечно, существовал наш собственный подпольный бизнес: уже упомянутое подметание под кроватями и диванами, например. Огромные, немислимые деньги приносила сдача банок. Это было трудное и опасное дело, поскольку банки хранились обычно на балконах, были очень пыльными, их надо было сначала отмыть, потом дотащить в огромной сумке до пункта приема, не шибануть по дороге о какую-нибудь железную ограду и, самое главное, доказать, что тебе уже есть то ли двенадцать, то ли шестнадцать лет. Почему-то существовал дурацкий запрет на операции с ценным сырьем для несовершеннолетних. Но зато за одну ходку можно было заработать рубля два-три – сумасшедшие деньги. На них можно было себе позволить та-а-кое! Ну ладно, я-то была пай-девочкой, все деньги отдавала родителям. Но говорят, что некоторые люди покупали себе прозрачные колготки уже в четвертом классе. И 25 штук эскимо!

В общем, вы поняли: не было в моем детстве карманных денег, класса до десятого, когда начались поездки по городу к репетиторам. И у друзей моих не было. Иногда деньги дарили дальние родственники на какой-нибудь праздник.

> И всегда существовали бедные семьи, в которых дети учились обращаться с деньгами сызмальства, от этого зависела их жизнь. Любую найденную копеечку следовало занюхать от мамки или папки, чтобы не пропили, не отняли, чтобы купить еду себе и младшим детям. Над нами жила такая семья, после пары инцидентов с пропажей вещей и продуктов мне строго-настрого запретили приглашать Ленку в гости, когда никого нет дома.

> И все-таки: почему наличие карманных денег четко связано в нашем сознании с взрослением, неподконтрольностью, свободой? Потому, что так оно и есть. Когда у тебя есть деньги, у тебя появляется выбор, как их потратить. Можно позавтракать дома геркулесовой кашей, а можно купить в школьной

столовой ужасно вредную, но такую вкусную пищу. (Цитирую мою племянницу: «Дайте мне какой-нибудь бесполезной вкуснятины!») Можно купить набор линеек и транспортиров для геометрии, а можно – журнал «Top Gear» и любоваться на фантастические машины. В конце концов, сигареты и пиво покупаются тоже на карманные деньги.

Резюме

Карманные деньги существуют для того, чтобы ребенок учился с ними обращаться, а не в качестве поощрения. Сумма карманных денег должна соответствовать возрасту ребенка. Чем младше ребенок, тем более дробной должна быть выдача.

Глава девятая, о правилах обращения с карманными деньгами

Сказал три раза шепотом: «Крекс, фекс, пекс», положил в ямку четыре золотые монеты, засыпал, из кармана вынул щепотку соли, посыпал сверху.

А. Толстой. Золотой ключик, или Приключения Буратино

Но для того, чтобы научиться обращаться с деньгами, они должны быть по-настоящему своими. Рассмотрим подробно.

> Есть определенная сумма, которая выдается ребенку независимо от его школьных успехов-неуспехов. Чем меньше ребенок – тем меньше должна быть сумма и более дробной выдача. Я бы начинала давать понемножку (рублей по сто в неделю) с первого класса и смотрела, как ребенок будет с ними обращаться. Абсолютно необходимо вначале установить внятные и простые правила:

- a. с деньгами надо обращаться аккуратно, для чего выбираем и дарим кошелек или копилку;
- b. нельзя покупать опасные и запрещенные вещи (фейерверки, например, или спиртное);
- c. потерянные деньги не возвращаются;
- d. если в семье по каким-то причинам не употребляют определенные продукты (мороженое и газировку, к примеру, или чипсы и жвачку), этот запрет тоже должен соблюдаться;
- e. если в школе или во дворе у тебя вымогают деньги – немедленно сообщи об этом родителям. Даже если тебе угрожают расправой.

Как быть, если ребенок на свои деньги покупает себе сладости и съедает сам, не делись ни с кем?

> Во-первых, он имеет на это право, ведь именно для того, чтобы он научился обращаться с деньгами, мы и даем их, не забыли? Во-вторых, у любого человека должно быть что-то свое, личное, частное, иначе границы личности становятся размытыми и трудноопределимыми.

В этой семье ни у кого не было ничего своего. В смысле все было общим. Такой коммунизм в отдельно взятой ячейке общества. Отчасти от нехватки средств, но главное – по идейным соображениям. Глава семьи, инженер-гуманитарий (было такое), воспитывал детей в духе шестидесятничества и буддизма одновременно: про еду и вещи думать было запрещено, потому что мещанство, сначала позаботиться о других, а потом о себе, духовные ценности – превыше всего. Сын и дочь делили комнату, стол, одежду и обувь, апельсины и конфеты, что, в общем-то, хорошо и полезно, если в меру. Если вы думаете, что дети стали сильнее друг друга любить и больше заботиться, – вы глубоко заблуждаетесь. Если думаете, что они стали идейными борцами с капитализмом, – сто раз ошибаетесь. При первой же возможности они уехали из дома и начали истово строить свои **собственные**, отдельные дома. Кстати, оба очень рано обзавелись семьями и детьми: это-то уж точно делить не придется.

Результатом такой педагогической политики может стать то, что дети приучаются ничего не хотеть и ни к чему не привязываться, потому что все равно заставят поделиться, отнимут, застыдят. В норме мы делимся чем бы то ни было от желания **разделить** эмоцию: радость, удовольствие. Иногда – боль, грусть.

> Так что ничего страшного в том, что шести-семилетний ребенок купил на свои карманные деньги пять киндер-сюрпризов и съел их, как говорится, «в одно лицо», я не вижу. Попробуйте обсудить эту ситуацию с малышом, взывайте к его лучшим качествам, постарайтесь объяснить, что съеденное вместе с кем-то лакомство окажется вдвойне слаще. Используйте эту ситуацию, чтобы поговорить о важных вещах: щедрости, дружбе, любви. Но только не стыдите, не угрожайте («Будешь жадиной – никто не будет тебя любить!»), не навешивайте ярлыков («жадина-говядина!»). Любовь ведь не купишь, и, если дети не дружат, вряд ли насильственная дележка что-то изменит.

Как быть, если ребенок потратил все деньги за один раз? Давать ли ему еще?

> Чаще всего так и случается в начале финансовой карьеры. Ни планировать, ни считать толком деть еще не умеет. Вот прекрасный повод для обучения планированию бюджета! Давайте вместе проговорим несколько важных моментов:

a. Какие планы?

b. Чего хотим?

c. Сколько это стоит?

d. Сколько у нас есть средств?

> **Первый этап:** формулируем цели. Ты хочешь какую-то определенную дорогую вещь? Или тебе нужно постоянно что-то покупать, например, еженедельный журнал комиксов? Или для занятий моделированием нужно периодически подкупать материалы? Если никаких долгоиграющих целей нет, то на что ты хочешь тратить деньги?

> Убедитесь, что ребенок четко осознает, что можно, а что нельзя. И время от времени устраивайте «учебную тревогу»: ты не забыл, что в нашей семье запрещено играть на игровых автоматах?

> **Второй этап:** сколько это стоит. Я бы не стала нацеливаться на то, что стоит больше трехмесячного содержания – в возрасте до десяти лет. Подросток десяти-двенадцати лет уже в состоянии «задерживать дыхание» на полгода. Устанавливаем, сколько будем откладывать на покупку, а сколько оставляем на поддержание жизни: на увеселения, перекусы, покупку необходимых мелочей.

Как контролировать расходы ребенка?

> Как я уже раньше говорила, деньги – это только часть нашей жизни. Поэтому, скорее всего, с деньгами ребенок будет обращаться точно так же, как и с любимыми другими вещами.

> Аккуратная, спокойная, уравновешенная девочка будет откладывать на покупку дорогого телефона или поездку, у нее будет красивый кошелек и несколько «нычек» в разных местах. Когда у вас случится тяжелый финансовый период, вы всегда сможете у нее перехватить до зарплаты. Контролировать ее не надо, это она еще вас построит и объяснит, как нужно жить. Возможно, вам придется как раз стимулировать ее что-то потратить, иначе она может стать излишне скупой.

> Другая девочка, склонная к капризам и истерикам, привыкшая, что папа выполняет все ее требования (потому что у папы другая семья и он чувствует свою вину), а мама может поупираться, но потом все равно уступит (потому что у нее нет другой семьи и она чувствует себя в ловушке). Она быстро потратит всю сумму на какую-нибудь ерунду, а потом примется вымогать у родителей следующую порцию.

> В этом случае деньги становятся прямым эквивалентом любви: кто девочку больше любит, тот ей больше дает. При такой политике родители рискуют вырастить манипулятора и шантажиста. Конечно, девочке и самой несладко, но родителям лучше принять меры прямо сейчас, чем потом разгребать более опасные ситуации.

> А вот мальчишка – в голове ветер, идеи клубятся и роятся, хочется всего и немедленно, но быстро остывает и забывает, чего хотел. Этот может потерять крупную сумму, а может забыть, что у него вообще есть деньги. Ему лучше помочь вести учетные записи и выдавать деньги совсем небольшими порциями, хоть ежедневно.

А вдруг он попадет в плохую компанию, или попадет в зависимость, или проиграет большую сумму?

> Опасность грозит тому, кто склонен к риску, азартен, не способен критически воспринимать рекламу. Если вы проводите время с ребенком, не только делая уроки, вы заметите проявления холерического темперамента еще в раннем детстве. Для таких малышей выигрыш является чем-то сверхценным, на проигрыш они реагируют бурными слезами, даже агрессией. Во время игры могут мухлевать, менять правила, требовать для себя особых условий.